

ЖИНДЕЕВА Е. А., КУЗЬМИН А. В.

**СООТНОШЕНИЕ ЛИЧНОСТНОГО И ПРИРОДНОГО НАЧАЛА
КАК ОСНОВА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПСИХОЛОГИЗМА
ИСТОРИЧЕСКОГО ПОВЕСТВОВАНИЯ В МОРДОВСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ**

Аннотация. В статье рассмотрены примеры авторской трансляции природного начала в историческом повествовании писателей Мордовии. Функциональный аспект изображения природы в предложенных в статье рассуждениях имеет личностный характер, который проиллюстрирован конкретными примерами из рассматриваемых произведений.

Ключевые слова: замысел, композиционная роль описания природы, автор, художественный психологизм.

ZHINDEEVA E. A., KUZMIN A. V.

**CORRELATION OF PERSONALITY AND NATURE
AS THE BASIS OF LITERARY PSYCHOLOGISM**

OF THE HISTORICAL NARRATIVE IN MORDOVIAN LITERATURE

Abstract. The article considers some examples of author's rendering of nature in the historical narrative of Mordovian writers. The functional aspect of nature representation is author's individual. The statement is illustrated with specific examples from corresponding literary works.

Keywords: conception, compositional role of nature description, author, literary psychology.

Понимание художественного психологизма в современном отечественном литературоведении широко распространяется на ряд характерных признаков художественного текста как такового. Обращение к описанию данного явления в художественном тексте уже давно стало признаком мастерства писателя и объектом интерпретации читателя-любителя и специалиста, причин тому много. Не исключение и мордовская литература в целом, на каком бы из трех языков творчества не выполнен был художественный текст.

Природа как непосредственный компонент изображения окружающего мира довольно часто встречается в любом художественном произведении. Функции ее в конкретном воспроизведении напрямую зависят от авторского замысла и воспринимаются в соответствии с сюжетообразованием или как вставные конструкции, или как необходимая детализация, которая представляет собой прием психологизации в произведении.

Психологизация как особая характеристика художественного целого, позволяет рассматривать внутреннее состояние центрального персонажа в соответствии с

совокупностью изображения природных явлений с позиций возможной идентификации. Таким образом, внимание к душевным состояниям, их изменениям, характерным обстоятельствам проявления тех или иных рефлексивных поведенческих мотивов и соотношение изменений в природе – основа классической формы психологизма, широко распространенной в мордовской современной литературе. Так, в значительной степени в современной мордовской литературе природа, с одной стороны, изображается как подтверждение органичности чувств, характеров, обстоятельств, с другой – результат размежевания с ней ассоциируется у автора, а вслед за ним и у читателя с катастрофичностью бытия. В этом смысле М. Брыжинский, автор повести «Ради братий своих» не выходит за рамки национальных истоков. Мордовское устное народное творчество воссоздает образ природы как эквивалент совершенства и гармонии, что и транслирует автор в описание своей главной героини. М. Брыжинский не случайно делает сравнения с природными явлениями, говорит о Марии как о части природы. Автор прибегает к интереснейшему, на наш взгляд, приему: он делит жизненный путь своей героини на четыре этапа. Это то время, когда девушка была свободна и жила с отцом и дедом; период замужней жизни, когда, выйдя замуж за крепостного, она сама стала крепостной; ее жизнь в монастыре; наша героиня – предводитель крестьянского отряда. В связи с этими этапами изменяется и имя – Мария в девичестве, Марья замужем, при постриге – Алена и, наконец, Алена Арзамасская-Темниковская – во главе большого крестьянского войска.

В начале повести Мария свободна, радостна. Она счастлива: у нее есть отец, дед, любимый. На душе легко и светло. И описание природы сродни чувствам героини. «Вечер опускался осторожно и нежно» [3, с. 14]. Произошедшее горе изменяет Марию до неузнаваемости. Безмерно оно: потеряла она и мужа, и сына, и отца. Вторит ее горю земля родная: «Тучи заволокли небо. Сразу стало темно, холодно, пусто» [2, с. 104].

Совсем по-иному описывается природа после того, как Алена поднимает бунт против несправедливости и угнетения. Вместе с героиней природа страдает, бунтует и ищет выхода из создавшегося положения: «Разразилась великая гроза. Дождь смывал со своего пути все» [2, с. 159–160].

Символичны и описания животных в произведениях. В данном тексте быстрый бег коня воспринимается читателем как ничем не ограниченная свобода, стреноженный конь на лугу – как безмятежный покой и отдых. Согласно авторскому замыслу и восприятию действительности животное становится эквивалентом отношения героя и автора к его владельцу или хозяину: «Жеребец ходил вокруг Пургаза и смачно хрумкал сочной травой. Время от времени он поворачивал голову к лесу, прядал ушами и тихо ржал, чувствуя там, в лесу, других лошадей, которые паслись на лесных полянах. Пургаз посмотрел на звездное

небо – время близилось к полуночи. Должны бы пропеть первые петухи, но в городке было тихо» [1, с. 296]. Конь разделяет нетерпение и ожидание хозяина, о жеребце автор говорит с уважением, через него характеризуя владельца. Есть и совершенно противоположные описания животных. Например, господская свинья в повести М. Брыжинского «Ради братьев своих». Та самая свинья, которая съела крошку-сына главной героини – Марьи. В образе свиньи объединяется очень многое: и ее огромная власть над крепостными людьми (только потому, что она господская); связь этого животного со своим хозяином (слишком они похожи друг на друга). Описания действий этого животного не случайны. Они не оставляют сомнений в антикрепостнической направленности этого произведения. Однако не только это заставляет прибегнуть писателя к столь изощренной уродливости, неестественности жизни. Автор прибегает к подобным описаниям и трактовке не случайно. Для него важны не только единичность случая (а таковые известны истории в целом), но и некоторая их обыденность, не имеющая ничего общего с гуманностью и эстетизмом. Это некая психологическая деталь эпохи, соотнесенная с общим колоритом жизни бедных людей того времени.

Думается, что именно с позиций психологического анализа текста необходимо рассматривать и образ коровы в этой повести: «Коровушка – матушка, кормилица наша», – именуют ее крестьяне. После того, как Алена увидела, что келарница монастыря, где Марья приняла постриг, клеймит украденную у крестьянина корову, наступило прозрение героини повести М. Брыжинского. «И тут она вдруг поняла – келарница и немой Васяй метили монастырским тавром приведенный нынешней ночью «темный скот». Гнев захлестнул горло Алены. «Что делается! – ужаснулась она. – Как же они могут?! Ведь эта корова, может, единственная кормилица семьи. Как же теперь ребятишки? – Она представила, как хозяйка утром выходит подоить свою кормилицу, а видит настежь раскрытые ворота и пустой двор. Представила, как на ее крик сбежалась вся семья, плачущих ребятишек, растерянного, мечущегося хозяина» [2, с. 64].

Передавая эту драматическую сцену в повести, автор сосредоточивает наше внимание на характере героини. Практичный крестьянский ум помогает Алене разобраться в происходящем, горячее, справедливое сердце не позволяет ей дальше жить так, как будто ничего не произошло. Вероятно, автор не случайно показывает близость героини с природой, которая так незаурядно изображена на протяжении всего повествования. Особенно ярко это передается в сцене собирания трав и врачевания главной героини: «Как ни тяжело было Алене одной управляться, но она все же выкраивала время и иногда уходила в лес и бродила там одна» [2, с. 26].

Таким образом, совмещая национальный колорит и близость героини к природе, автор показывает особенности характера Алены. Эта гордая, трудолюбивая женщина, знающая

некоторые секреты природы, пришедшие к ней от ее бабушки, находит в себе силы и впоследствии нестибаемо стоит за правое дело.

Одним из принципиально важных ракурсов изображения природы в художественном тексте является сокровенно-любовное отношение к ней, свойственное практически всем писателям. Пейзажная живопись в литературе весьма распространена и практически всегда демонстрирует патриотический настрой писателя. Такие примеры имеют место и в исследуемых текстах: «Нет конца лесу, наполненному птичьим гомоном и тихим шелестом листьев. И Пургаз только теперь понял, что все эти годы тосковал именно по лесу, и по этому лесу, через который шла неширокая извилистая дорога с примятой колесами и копытами муравой, со следами конского помета и плотными листьями подорожника по обочинам. Сколько раз ходил он по этой дороге, приминая ее босыми пятками! Сколько раз проезжал, сидя в телеге с дедом Обраном, с дядьями, братьями! И всегда радовался этому лесу, любовался им, восхищался. Нет, такого леса не увидишь больше нигде – ни в арабских землях калифа, ни в болгарских землях хана. Здесь не палит солнце, как в Багдаде, не шумит базарная разноголосица, как в Великом городе. Это лес, и у него свои обычаи – спокойно и без суеты нести миру вечное обновление.

Теперь и сам Пургаз не понимал, как он мог столько лет прожить в чужой земле и не умереть от тоски. Он глубоко, всей грудью вдохнул свежий лесной воздух, и всего его существо наполнила сладкая радость» [1, с. 191–192].

Многоплановый, многосторонний характер изображения природы дает возможность детально воспроизвести не только чувственный мир героя, но документальные детали, необходимые для любого исторического повествования как жанровой разновидности эпического. В нашем случае речь может идти о дереве, около которого проходят моляны в повествовании К. Г. Абрамова «Пургаз». Вероятнее всего речь здесь идет о священном дубе, одном из уникальнейших и старейших деревьев на территории Мордовии. До настоящего времени Большеберезниковском районе Мордовии, в Симкинском природном парке растет он, со временем превратившийся в легенду, о живительной магической силе которой говорят и поныне. Благодаря изображению еще молодого дерева можно определить время действия в романе. Таким образом, элемент природы способен стать маркером времени в художественном произведении. Более того, относительно данного примера мы можем говорить о мифологической составляющей изображения природы.

Функциональный аспект изображения природы в рассуждениях автора имеет личностный характер, который проиллюстрирован конкретным восприятием изображаемого и спроецируем на читателя произведения. Частично мы уже говорили об этом [3; 4; 5]. Исторический жанр накладывает дополнительные условия воспроизведения природного начала.

Речь здесь не идет о принципиально другой картине мира. Скорее это некая проекция того, что могло быть, но в настоящем уже изменилось. Такие нюансы в художественном тексте свидетельствуют о мастерстве писателя, но совершенно не обязательны.

Проявление глубинных ассоциаций, сопряженных с философскими размышлениями героев, достаточно часто соседствует с пейзажными зарисовками в произведении. Философичность и неоднозначность трактовки природного начала позволяет выявить суть не только характера изображаемого героя, но и общества в целом. Убедительность же подобных суждений напрямую зависит от мастерства автора-повествователя.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамов К. Г. Пургаз. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1993. – 464 с.
2. Брыжинский М. И. Ради братьев своих. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1986. – 279 с.
3. Жиндеева Е. А. История. Литература. Личность: к вопросу о концепции личности в мордовской художественной прозе Мордовии / Мордов. гос. пед. ин-т. – Саранск, 2000. – 242 с.
4. Жиндеева Е. А. Парадигматические отношения в современной литературе Мордовии // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2012. – № 3. – Т. 1. – С. 62–65.
5. Жиндеева Е. А., Шигуров В. В. Авторский комментарий как «путеводитель» читателя в системе организации художественного текста // Гуманитарные науки и образование. – 2013. – № 3. – С. 127–130.